

Историографический метатекст в «Повести временных лет» и в «Чешской хронике» Козьмы Пражского¹

Jitka Komendová

«Повесть временных лет» и «Чешскую хронику» Козьмы Пражского объединяет не только время создания, но, прежде всего, общий замысел их творцов – оба текста представляют собой попытку рассказать о происхождении своего народа, описать его историю с древнейших времен до современности и обосновать появление нового государства с новой династией на политической карте Европы. Несмотря на очевидность данных параллелей, оба текста имеют и явные различия в области жанра, понимания роли авторского субъекта в тексте и сути историографического труда.

Одним из методов работы над данной проблемой является исследование таких отрывков текста, в которых автор выходит за рамки исторического повествования и комментирует самого себя, свой собственный текст или его читателей. Такие авторские высказывания можно обозначить как историографический метатекст.

Под историографическим метатекстом мы понимаем не авторское присутствие в летописных текстах вообще, т.е. широкий комплекс авторских высказываний от первого лица, авторскую оценку исторических событий и поступков персонажей, или же сведения автора о собственном участии в исторических событиях, а исключительно высказывания, находящиеся «поверх» (meta-) основного текста и выраждающие понимание самого процесса историописания, смысла работы историка, рассуждения о взаимосвязи истории и историографии. В такой трактовке понятие историографического метатекста во многом перекликается с темой авторского самосознания, которое, по определению Е. Л. Конявской, представляет собой «осознанность [писателем] целей сочинения, и их качество, эстетические принципы и идеалы, осознание своего труда в рамках традиции и т.п.».² Однако понятие историографического метатекста более узко, больше связано с «ремес-

¹ Zpracování a vydání příspěvku bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2016–2018 z Fondu pro podporu vědecké činnosti.

² Конявская, Елена Леонидовна: *Проблема авторского самосознания в летописи, Древняя Русь*. Вопросы медиевистики, 2, 2000, с. 65, 66, 75.

лом» (*techné*) историка и меньше затрагивает вопросы эстетики или мировоззрения в целом.

Части текста, имеющие характер историографического метатекста, можно подразделить на несколько типов: метатекст самопрезентации автора, метатекст рецепции произведения, метатекст источников информации и структурообразующий метатекст. Подавляющее большинство высказываний, определяемых нами как историографический метатекст, и в латинских, и в древнерусских текстах имеют характер топосов, переходящих из одной хроники или летописи в другую. В процессе их отбора и сочетания между собой, а затем использования в новых контекстах и проявляется замысел автора, раскрывается и формируется его интеллектуальный мир.

1 Метатекст авторской самопрезентации

И древнерусские, и латинские книжники строят свой образ на античных топосах авторского самоунижения, к которым контекст средневекового христианского мировоззрения добавил парадоксальную смесь смирения и гордыни: «Писатель, унижающий себя перед Богом, тем самым подчеркивает свою зависимость от него, связь с ним. Иначе говоря, читателю внушается, что он писатель ‘божьей милостью’».³

В «Чешской хронике» мы находим тщательно проработанную авторскую самопрезентацию. Хотя Козьма Пражский не приводит почти никаких биографических данных о самом себе, самосознание хрониста выражено в его труде очень ярко. Козьма много раз дискредитирует себя, говоря о своей необразованности и профессиональной некомпетентности. Он называет себя «по званию лишь деканом»,⁴ «недостойным того, чтобы о нем говорили»⁵, а свою хронику он создает «не из присущего людям тщеславия, а лишь из опасения, чтобы рассказанное мне не было предано забвению, а еще из любви ко всем добрым

³ Панченко, Александр Михайлович: *Некоторые эстетические постулаты в «Шестодневе» Иоанна Экзарха*. In: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. 1. Ленинград 1976, с. 35.

⁴ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*. Ed. Bertold Bretholz. In: *Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum germanicarum. Nova series. Tomus II*. Berlin 1923, s. 1: „solo nomine decanus“. Русский перевод мы цитируем по изданию Козьма Пражский: *Чешская хроника*. Вступительная статья, перевод, комментарии Г. Э. Санчука. Москва 1962.

⁵ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 80: „Cosmas, haud dignus dici decanus“.

людям...»⁶ По его словам, он не способен создать настоящий исторический труд, а может предложить лишь материал для произведения, написанного более образованным автором⁷, «стариковские пустяки»⁸, «ничтожный напиток»⁹, «маленькое сочинение, по мыслям детское, по стилю сельское»¹⁰.

В «Повести временных лет», как и в более поздних древнерусских летописях, метатекст авторской самопрезентации встречается исключительно редко. Значительно чаще, чем в летописях, он проявляется в древнерусских житиях, т.е. жанре, в котором индивидуальное авторство играет гораздо большую роль чем в историописании¹¹. Образ автора древнерусских житий, построенный на топосах столкновения профессиональной слабости с нуждой сохранить память о происшедшем, соответствует самопрезентации чешского хрониста. А в «Повести временных лет» он появляется именно тогда, когда на летописный текст оказывает сильное влияние житийный дискурс: «азъ грѣшнъи много и часто Ба прогнѣваю и часто согрѣшаю по вса дні»¹².

2 Метатекст рецепции произведения

Второй тип метатекста – метатекст рецепции произведения – включает в себя высказывания о том, кто является адресатом текста, каким он должен быть, как ему следует понимать суть произведения, какова цель прочтения текста.

Древнерусские летописцы стремятся, в первую очередь, поучить читателя, предостеречь его от греховного поведения или неверных суждений: «се же сказахо^м вѣрны^х дѣла людии да не блазнатса в

⁶ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 3: „non humane laudis ambitione, sed ne omnino tradantur relata oblivioni, pro posse et nosse pando omnium honorum dilectioni.“

⁷ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 3.

⁸ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 2: „Sive enim vobis soli hee seniles nuge placeant sive displiceant, rogo, ne tercius eas oculus videat.“

⁹ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 81: „tamen hoc tam tenui liquore non dedigneris tua sacra proluere labra.“

¹⁰ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 81: „mea opuscula sensu puerilia, stilo rusticalia.“

¹¹ KOMENDOVÁ, Jitka: „Potřebné slovo ukáže mi Bůh.“ *Autorský metatext v ruské hagiografii 11.–14. století*. Slavia. Časopis pro slovanskou filologii, 80, 2011, s. 365–375.

¹² Полное собрание русских летописей [ПСРЛ], т. 1. Ленинград 1926–1928, л. 161 об. – л. 162.

праздницъхъ Бжъихъ»¹³, «се же списахо^м. да не наскакают нѣции на сватительскыи санъ»¹⁴. Автор ожидает, что читатель о нем вспомнит в молитвах: «а иже чтеть книги сиа . то буди ми въ мѣтвахъ»¹⁵.

В отличие от летописцев, которые выступают в роли авторитета, предлагающего читателям суть и смысл событий в контексте истории спасения, Козьма не считает самого себя гарантом правды, а эклиптично переносит эту ответственность на читателя: «Так как описываемое произошло в древние времена, то мы предоставляем читателю судить о том, имело ли оно место или было вымышлено»¹⁶. Таким образом, чешский хронист побуждает читателя стать активным участником поиска исторической истины.

Козьма хочет писать так, чтобы «всегда быть по душе людям и добрым, и опытным» и не боится «быть неугодным людям глупым и невежественным», он ожидает негативную реакцию со стороны тех завистников, «которые будут надрываться от издевательского смеха... Ведь ученость этих людей состоит лишь в том, чтобы разрушать что-либо у других, сами же они ничего хорошего создать не могут». В отличие от них, добросовестного критика Козьма прямо побуждает изменить и поправить сказанное неправильно: «Я не краснею от того, что меня поправит друг, а особенно горячо прошу того, чтобы меня поправили друзья»¹⁷.

В рамки метатекста рецепции произведения следует включить и авторские рефлексии по поводу отношений историка с его современниками. Козьма нередко возвращается к теме трудностей, угрожающих автору со стороны соотечественников, если он пишет о темах, неудобных для читателей: «Ибо гораздо полезнее совсем промолчать о современных людях и их времени, чем, говоря им правду, потерпеть какой-нибудь ущерб, так как правда всегда порождает ненависть. А если уклониться от истины и описывать иначе, чем обстояли дела,

¹³ ПСРЛ, т. 1, л. 118.

¹⁴ ПСРЛ, т. 1, л. 120.

¹⁵ ПСРЛ, т. 1, л. 96.

¹⁶ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 32: „Et quoniam hec antiquis referuntur evenisse temporibus, utrum sint facta an ficta, lectoris iudicio relinquimus.“

¹⁷ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 3: „Bonis enim et peritis semper placere glisco, idiotis autem et discolis displicere non pertimesco. Scio enim nonnullos affore emulos et eos emori risu subsannationis, cum viderint scema huius operationis, qui tantummodo docti sunt aliis derogare et ipsi per se nihil boni sapiunt erogare... Non enim ab amico corrigi erubesco, qui etiam ab amicis nimio affectu emendari exposco.“

это значит впасть неминуемо в позор лести и обмана, так как при подобном описании речь идет ведь о делах всем известных»¹⁸.

Хотя древнерусские летописцы в действительности сталкивались с той же проблемой, ни в «Повести временных лет», ни в других летописях эта проблема не раскрывается.

3 Метатекст источников информации

Третью область исследований авторского метатекста представляют собой ссылки на источники информации и комментарии к авторским способам работы с полученной информацией.

Козьма Пражский уделяет много внимания рассмотрению своих первоисточников. Свое повествование он структурирует в соответствии с характером источников информации, выстраивая их по порядку увеличения достоверности: «до сих пор мы включали деяния древности в первую книгу. Но поскольку люди, по словам блаженного Иеронима, иначе повествуют о виденном ими самими, иначе о том, о чем лишь слышали, и иначе о вымышленном ими, мы всегда лучше рассказываем о том, что нам лучше известно, поэтому мы теперь попытаемся, с божьей милостью и с помощью св. Адальберта, рассказывать о том, что мы или сами видели, или достоверно установили со слов тех, кто сам видел [описываемое]»¹⁹; «а теперь я очиню перо для повествования о том, что сохранилось в правдивых рассказах верных людей...»²⁰

Козьма указывает на отсутствие подходящих письменных источников как на причину того, почему он о некоторых темах не пишет. Например, он не пишет о языческих князьях Пржемысловичах не только из-за того, что «люди тогда, грубые и невежественные, предавались чревоугодию и сну...», но «еще и потому, что не было в то время чело-

¹⁸ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 159: „Nam de modernis hominibus sive temporibus utilius est ut omnino taceamus, quam loquendo veritatem, quia veritas semper parit odium, alicuius rei incurramus dispendium. Si autem a veritate deviantes aliter quam se res habent scripserimus, cum pene omnibus note sint cause, nihilominus adulatio[n]is et mendacii notam incidimus.“

¹⁹ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 79–80: „Hactenus acta antiquitus liber continet primus. Sed quia, sicut ait beatus Hieronimus aliter visa, aliter audita, aliter narrantur facta, que melius scimus, melius et proferimus, nunc auxiliante Deo et sancto Adalberto ea fert animus dicere, que ipsimet vidimus, vel que ab his referentibus, qui viderunt, veraciter audivimus.“

²⁰ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 32: „Nunc ea que vera fidelium relatio commendat, noster stilus, licet obtusus tamen devotus, ad exarandum digna memorie se acuat.“

века, который [смог бы] с помощью письма сохранить в памяти людей их деяния»²¹.

Но и наличие письменных источников может стать причиной, почему Козьма об определенных темах молчит, а именно – когда эти источники считает настолько известными, что было бы неуместно то, «что сказано, вновь повторять»²² и таким образом «вызвать недовольство читателя… Ведь и кушанья, которые часто ешь, надоедают»²³.

В таких случаях хронист приводит список источников, к которым читатель может обратиться, чтобы дополнить свои знания о затрагиваемой теме: «…обо всем этом можно прочесть в трудах, написанных другими: частью в привилегии Моравской церкви, частично – в эпилоге Моравии и Чехии, частью – в житии святого мученика нашего и покровителя Вацлава»²⁴; «о том… достаточно, как я полагаю, рассказано в житии святого мужа»²⁵; «о том, что ответила Адальберту пастыря, по какой причине она его не приняла, к каким народам он затем отправился…, узнает тот, кто прочитает его житие или [историю] мученичества»²⁶.

Все эти комментарии к источникам опять подчеркивают активную роль читателя. Он не должен довольствоваться одним текстом, автор побуждает его к тому, чтобы искать и другие источники и, таким образом, принимать прямое участие в процессе раскрытия истории.

Древнерусские летописцы в большинстве случаев не рассказывают о своих информационных ресурсах, однако в определенных случаях они считали необходимым сослаться на некие устные или письменные источники и, таким образом, убедить читателей в ценности и правдивости

²¹ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 21–22: „Horum igitur principum de vita eque et morte siletur, tum quia ventri et somno dediti, inculti et indocti assimilati sunt peccori, quibus profecto contra naturam corpus voluptati, anima fuit oneri; tum quia non erat illo in tempore, qui stilo acta eorum commendaret memorie.“

²² *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 55: „Nam mihi iam dicta bis dicere non placet ista.“

²³ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 35: „nam et esce execrantur, que sepius sumuntur.“

²⁴ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 35: „quia iam ab aliis scripta legimus: quedam in privilegio Moraviensis ecclesie, quedam in epilogo eiusdem terre atque Boemie, quedam in vita vel passione sanctissimi nostri patroni et martyris Wencezlai…“

²⁵ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 36: „sufficienter dictum puto in passionis eiusdem sancti viri tripudio.“

²⁶ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 55: „Quo facto, quid sibi suus grex responderit aut quam ob causam eum non receperit vel ad quas gentes inde transierit, quante etiam frugalitatis omnibus diebus sui episcopii fuerit, quanta morum honestate enituerit, scire poterit, qui vitam eius seu passionem legerit.“

вости данных утверждений: «гѣть Гешргии в лѣтописаны»²⁷, «іако же пишется в лѣтописаны Гречьстѣмъ»²⁸, «се же хощю сказать та же слышахъ пре^ж си^х . д . лѣ^т . та же сказа ми Гюрата Роговичъ . Новгородець . гла сице та же послана^х штрокъ свои в Печеру люди та же суть дань дающе...»²⁹, «и ина многа повѣдаху и немъ . а дѣгос и самовидецъ бы^т»³⁰, «Мефодий Патомъскыи егть свѣдѣтельствує»³¹.

Все ссылки, размещенные в «Повести временных лет», указывают лишь на те тексты, которые непосредственно использованы в летописи. Аналогов «списков рекомендуемой литературы», приводимых Козьмой, мы в «Повести временных лет» не находим.

4 Структурообразующий метатекст

Четвертый тип представляет собой структурообразующий метатекст, т.е. авторские комментарии к структуре повествования, ссылки на предыдущие или последующие части текста. Хронологически построенное повествование, к которому относятся оба анализируемых памятника, не нуждается в развитом структурообразующем метатексте, однако в тот момент, когда автор выходит за рамки чисто анналистической работы, нарушая соответствие временной оси и нарративной линии, структурообразующий метатекст помогает читателю ориентироваться в тексте.

В «Чешской хронике» встречаются многие комментарии типа: «о них, даст бог, будет достаточно подробно рассказано в своем месте»³²; «да будет довольно того, что сказано»³³; «но помолчим [о том], что предано молчанию, и вернемся к тому, от чего мы немного отдалились»³⁴; «мы не признали за лишнее вставить на этом месте в наш труд крат-

²⁷ ПСРЛ, т. 1, л. 5 об.

²⁸ ПСРЛ, т. 1, л. 6 об.

²⁹ ПСРЛ, т. 1, л. 85.

³⁰ ПСРЛ, т. 1, л. 66.

³¹ ПСРЛ, т. 1, л. 153.

³² *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 112: „de quibus in suis locis, uti Deus dabit, satis copiose tractabitur.“

³³ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 55: „Hactenus hec inseruisse sufficiat.“

³⁴ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, s. 22: „Sed sileamus, de quibus siletur, et redeamus, unde paulo deviavimus.“

кое описание того, что нам известно по слухам о битве...»³⁵; «об этом нами сказано для того, чтобы мы лучше могли исполнить задуманное нами»³⁶; «хотя о его нраве и жизни много из того, что достойно памяти, хорошо известно, однако, прервав наше повествование, мы кое-что расскажем»³⁷.

И аналогично этому в «Повести временных лет»: «скажемъ што са оудѣло та си іакоже прежде почали бахомъ первое лѣто Михаиломъ а по раду положимъ числа»³⁸; «се же написахъ и положихъ . в кое лѣто почаль быти манѣстърь . и что ради зоветься Печерскыи . а в ѡешидосовѣ житы [п]акты скажемъ»³⁹; «мы же на преѣлежаще възвратишиса»⁴⁰.

Считать структурообразующий метатекст чисто формальным приемом, никак не связанным с пониманием автором истории и сути историографической работы, было бы неправильно. Ведь и здесь проявляется определенный взгляд на историю и смысл историописания. Структурообразующий метатекст показывает, что автор не поглощен полностью ходом истории, он осознает факт, что события можно излагать иначе, чем в хронологическом порядке. Автор, хотя и мог быть прямым участником описываемых событий, в момент создания своего труда уже отрешен от них, он может, глядя в прошлое и предполагая будущее, уловить новые смысловые соотношения. Хотя жанры летописи и хроники в общем предполагают хронологическое повествование,⁴¹ автор может нарушить этот принцип, выйти за его рамки. Кроме того, он определяет, в каком месте будет писать о данном событии и насколько пространно. Помещая описываемые факты в определенный кон-

³⁵ Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, s. 22: „Nec superfluum esse iudicavimus, quod referente fama audivimus, huic operi nostro hoc in loco summatim literarum apicibus inserere bellum...“

³⁶ Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, s. 5: „Ad hoc ista retulimus, ut nostre intentionis melius exequi possimus propositum.“

³⁷ Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, s. 49: „Obiit Zlaunic, pater sancti Adalberti, cuius de moribus et vita licet plurima eniteant memorie digna, ex quibus tamen ut referamus pauca, septa intermittimus nostra.“

³⁸ ПСРЛ, т. 1, л. 6 об.

³⁹ ПСРЛ, т. 1, л. 54 об.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 1, л. 119.

⁴¹ Хроники, построенные на других нарративных принципах, встречаются в европейской средневековой письменности значительно реже. Ср. Гимон Тимофей В.: *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*. Москва 2012, с. 84–85.

текст, автор также наделяет их новыми значениями, новой смысловой нагрузкой. Перечисленные факты отражают уже определенный этап историографической работы, более зрелый подход к ней.

5 Заключение

Сравнение «Повести временных лет» и «Чешской хроники» Козьмы Пражского демонстрирует разительные различия в объеме и характере авторских комментариев к своей историографической работе.

С точки зрения отношения историка к своему труду, нет принципиальной разницы между «Повестью временных лет» и древнерусскими летописями XII–XIII веков⁴². Напротив, в чешской средневековой историографии уровень осмыслиения сути историописания и работы историографа, проявленный в «Чешской хронике» Козьмой Пражским, не имеет близких аналогов: рефлексия или полностью исчезает, или проявляется лишь отрывочно, намеками. По характеру историографического метатекста «Повесть временных лет» гораздо ближе к чешским историческим трудам XII–XIII вв. (т.н. «Первые продолжатели Козьмы» (*Canonici Wissegradensis Continuatio Cosmae* и *Monachi Sazaviensis Continuatio Cosmae*) и «Второе продолжение Козьмы»⁴³), чем к самой «Чешской хронике».

Принципиальной роли не играет тот факт, что «Чешская хроника» является произведением одного автора, между тем как древнерусскому летописанию чуждо индивидуальное авторство. Осмыслиение историографической работы в средние века (и не только) основано, в первую очередь, на традициях коллективного сознания интеллектуальной элиты и опирается на уже установленные правила. Конкретный автор не предлагает свое индивидуальное, неповторимое понимание историографической работы, а, исходя из своего образования и существующей традиции, отражает скорее коллективное профессиональное самосознание, в котором он сам лишь расставляет акценты. Говорить о «профессиональном самосознании» особенно по отношению к обществу Древней Руси можно лишь условно, в кавычках, так как при общей «недостаточной эмансионированности культурных институтов»⁴⁴

⁴² Конявская, *Проблема авторского самосознания*, с. 75.

⁴³ KOMENDOVÁ, Jitka: *Der Metatext des Autors in den Chroniken der mittelalterlichen Rus' und in den sog. Continuationes Cosmae. Medieval Chronicle* 2015, Vol. 9, p. 219–232.

⁴⁴ Конявская, *Проблема авторского самосознания*, с. 18.

в древнерусском летописании рефлексия сути исторической работы проявляется очень сжато, лишь намеками.

Если уж летописец коснулся вопроса о смысле исторической работы, то его голос звучит гораздо более авторитетно, чем голос чешского хрониста. В то время как летописец стремится поучать читателя, Козьма предлагает свой взгляд на историю как один из возможных и неизменно старается побудить читателя к тому, чтобы тот сам искал историческую правду. Козьме гораздо более близок античный подход к историописанию, чем трактовка событий прошлого и настоящего в контексте истории спасения, которая была основополагающей для древнерусского летописания.

Замечательно, что в раздумьях Козьмы о своем труде и его осмысливании присутствует мотив смеха⁴⁵. Козьма ставит своей целью не только поучение, но и развлечение читателей, и в контексте рецепции своей хроники он говорит и о смехе добросовестном, и о смехе злом, издевательском, чему мы в древнерусском летописании не находим никаких аналогий. Причина этого – в различном подходе не только к историописанию, но и к литературе как таковой. В противоположность бытования текстов в чешской интеллектуальной среде, в Древней Руси создание текстов и их чтение воспринималось исключительно как серьезная деятельность, соприкосающаяся с сакральной сферой, что делало недопустимым любые формы профанного смеха.

Частная тема историографического метатекста, таким образом, оказывается связанной с целым спектром проблем, среди которых – вопросы о типологических параллелях между древнерусским летописанием и жанрами латинского средневекового историописания, об отношении историка к истории и историописанию, о взаимодействии автора со своим произведением в целом.

⁴⁵ KOPAL, Petr: „*I kdyby snad byl toho dne drahého otce pochoval, byl by se jistě musil smáti.*“ *Humor a smích v Kosmově kronice*. In: Evropa a Čechy na konci středověku: sborník příspěvků věnovaných Františku Šmahelovi. Praha 2004 s. 369–382.

RESUMÉ

HISTORIOGRAFICKÝ METATEXT V POVESTI VREMENNYCH LET A KOSMOVĚ KRONICE ČESKÉ

Studie je věnována srovnání metody historické práce v *Povesti vremennych let* a *Kosmově Kronice české*. U těchto děl středověkého dějepisectví bývá obvykle podtrhována především jejich ideová a tematická blízkost, zatímco samotný přístup k historické práci a žánrová specifika obou textů byla dosud jen velmi málo reflektována. Komparace je založena na analýze tzv. historiografického metatextu, tedy pasáží, v nichž autoři komentují podstatu historické práce, vyslovují se ke smyslu takových textů pro čtenáře, komentují použité ústní či písemné prameny a způsob nakládání s nimi, a konečně způsob, jímž je reálný sled událostí přenášen do literárního textu, tedy otázky struktury a vztahu mezi narativní linií a chronologii. Výrazné odlišnosti mezi historiografickým metatextem v *Povesti vremennych let* a *Kosmově Kronice české* dokládají zásadní odlišnosti mezi chápáním smyslu historické práce u českého kronikáře a staroruských letopisců.

Klíčová slova: historiografický metatext, *Povest vremennych let*, Kosmas, *Chronica Boemorum*, středověká historiografie

SUMMARY

HISTORIOGRAPHICAL METATEXT IN PRIMARY CHRONICLE AND CHRONICA BOEMORUM BY COSMAS OF PRAGUE

The study deals with the comparative methods of historical work in *Primary Chronicle* (*The Tale of Bygone Years*) and *Chronica Boemorum* written by Cosmas of Prague. It analyses passages where the authors comment upon the nature of historical work, speak about the signification of such texts for its readers, evaluate used sources and the manner of their usage, by which they show elementary differences between the Czech chronicler and old Russian chroniclers in regard to the approach to historical work.

Keywords: historiographical metatext, *Primary Chronicle* (*The Tale of Bygone Years*), Cosmas, *Chronica Boemorum*, medieval historiography

Translated by Mgr. Tereza Kalousková

doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.
Katedra slavistiky
Filozofická fakulta
Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 10
771 80 Olomouc
Česká republika
e-mail: jitka.komendova@upol.cz